

УДК 81.42
DOI 10.52452/19931778_2022_6_185

К ВОПРОСУ О КОГЕРЕНТНОСТИ ПАРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

© 2022 г.

А.В. Глазков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

alexey.glazkow@gmail.com

Поступила в редакцию 12.02.2022

Поставлена цель разработки модели когерентности, актуальной для пары предложений. Рассмотрены два ключевых подхода – от текста к предложению и от предложения к тексту. В статье реализован второй подход. Решение вопроса о когерентности перенесено в область прагматики. Сформулированы понятия семантической лакуны, прагматического дополнения и релевантного ответа. Под семантической лакуной понимается факт отсутствия непосредственной семантической связи между предложениями. Прагматическое дополнение – сумма возможных заполнений лакуны, наиболее релевантное для данной пары дополнение носит название релевантного ответа. Оценка когерентности проводится на основе категории ситуационности. Формализация когерентности требует учета семантических и прагматических компонентов значения предложения: буквального значения, пресуппозиции, прагматического следствия, обобщенной и частной конверсионных импликатур, свободного прагматического обобщения, прагматического наполнения, телеологического следствия и невыраженной причины. Модель формализации когерентных отношений проиллюстрирована анализом примеров.

Ключевые слова: лингвистика текста, текстуальность, прагматика, когерентность, семантика, прагматика.

Вводные замечания

Настоящая статья представляет собой часть нашего исследования, целью которого является формализация когерентности как категории текстуальности (см. наши статьи [1, 2]). Под текстуальностью мы понимаем систему категорий, обеспечивающих функционирование текста. Принципиальным в нашем взгляде на текстуальность является то, что категории текстуальности мы рассматриваем существующими «до текста», то есть являющимися своего рода «чистыми», если использовать термин И. Канта. Это значит, что текстуальность следует искать не только в готовом, целом тексте, но уже и в тех языковых единицах, из которых строится текст. Минимальной единицей, характеризующейся текстуальностью, является пара предложений. Следуя описанному М. Хэлидеем и Р. Хасан противопоставлению структуры, определяющей отношения внутри предложения, и текстуры (этот термин, синонимичный текстуальности, не прижился в отечественной лингвистике текста), выходящей «за пределы предложения» [3], мы полагаем, что когерентность является категорией текстуры.

При рассмотрении проблемы когерентности мы будем исходить из положения, что если в системе существуют отношения, их можно обнаружить в паре. Для когерентности текста это означает, что, если текст когерентен, когерентность можно обнаружить на паре предложений. Из это-

го следует, что для любой пары предложений можно поставить вопрос о когерентности.

Целью настоящей статьи является разработка механизма когерентности, актуального для пары предложений.

В первой части статьи мы представим обзор двух ключевых подходов к проблеме когерентности и укажем, что мы будем реализовывать подход «снизу вверх». Во второй части мы покажем, какие компоненты предложения необходимы для формирования модели когерентности пары. В третьей части мы сформулируем понятия семантической лакуны, прагматического дополнения и релевантного ответа и покажем, как они формируют модель когерентности.

1. Место когерентности в лингвистике текста

Когерентность среди остальных категорий текстуальности занимает особое место – она очень сложно поддается формализации. Когерентность не имеет единой дефиниции и, несмотря на наличие некоторого общего представления о ней, рассматривается учеными в разных аспектах (удачные обзоры категории когерентности в работах [4–6]). В целом же можно сказать, что когерентность решает проблему консистентности, то есть непротиворечивости передаваемой в связанных языковых единицах информации.

По сути дела, можно выделить два принципиально различающихся подхода к когерентно-

сти в зависимости от того, как соотнесены понятия «текст» (или «дискурс») и «когерентность». Первый подход отражает направление «сверху вниз»: когерентность определяется как необходимый признак готового, целого, существующего текста или дискурса, а поэтому исследователь переводит с необходимостью фокус на более низкий уровень – на непосредственно связанную с когерентностью когезию. Второй подход отражает направление «снизу вверх», в рамках которого когерентность обнаруживается уже в паре предложений или даже в паре пропозиций внутри одного полипропозитивного предложения и распространяется на большие структуры вплоть до целого текста или даже до комплекса текстов.

Первый подход представлен, например, в глубоком исследовании Т. Милевской [7], которая определяет когерентность как компонент категории связности, включает его в дискурсивную деятельность и определяет как средство связности между «элементами ментальной сферы». Когерентность в рамках данной концепции соединяет между собой концепты, поэтому она становится элементом «национально-дискурсивной формации», что обуславливает зависимость обнаружения когерентности реципиентом от принадлежности его к той же формации, что и автор. Оценка «когерентно/некогерентно» проводится в большей степени реципиентом, чем автором. Дискурс когерентен по умолчанию, а поэтому некогерентность возможна в том случае, когда реципиент в силу тех или иных причин не обнаружит связности.

Представленный в исследовании подход не требует постановки вопроса о формализации когерентности. Формализована когезия, которая обеспечивает когерентность дискурса. Неслучайно исследовательница большую часть своей работы посвящает именно когезии, а не когерентности, которая оказывается изначально заданной.

Типологически близкий подход находим в исследовании М. Макарова «Основы теории дискурса». Ученый отдает предпочтение термину *когеренция*, указывая, что за лингвистикой текста закрепилось слово *когерентность* [8]. Когеренция в его концепции – широкое понятие, включающее в себя как общий план коммуникации, глобальную когеренцию, так и когеренцию на уровне построения высказывания, диалога – локальную когеренцию. В любом случае она возникает как некое прежде всего тематическое единство, объединяющее участников коммуникации и позволяющее понимать сказанное или написанное.

Когерентность как психолингвистическая категория, обеспечивающая восприятие текста

как единого целого, описана в работах Т. Гивона. Одна из его статей озаглавлена «Когерентность в тексте vs Когерентность в сознании» [9]. В ней автор рассматривает когерентность прежде всего как ментальную категорию, связанную с запоминанием читаемого текста. Когерентность, пишет он, гораздо легче изучать экспериментально, контролируя и фиксируя поведение понимающего текст.

Психолингвистический подход представлен в работах А.И. Новикова и его учеников. А.И. Новиков противопоставил содержание текста, формируемое «в сознании под непосредственным воздействием всех языковых средств, составляющих этот текст» [10, с. 179], и смысл, который полностью находится в сознании субъекта, читающего текст. Цельность текста в рамках этой концепции – путь к его пониманию. Цельность восприятия текста возникает как своего рода отражение цельности восприятия реальности, а поэтому прочтение и понимание текста означает создание целостной картины некоего воображаемого мира как результата процесса чтения. Ю.А. Сорокин определил целостность как проекцию на сознание человека связности текста – системы (рядоположенности, соположенности, дистрибуции) языковых единиц текста [11, с. 29]. При таком понимании исследователь справедливо устанавливает корреляции между связностью и лингвистикой текста и между цельностью и психолингвистикой. Анализ связности оказывается в области лингвистики текста, а анализ цельности – в области психолингвистики.

Второй подход, «снизу вверх», иллюстрирует переход от психолингвистики к семантике, поскольку когерентность здесь понимается как соответствие возникших отношений некоему стандартному типу. Это мы видим в концепциях Р. Дирвена и М. Верспор [12], Э. Келера [13], а также у уже упомянутого Т. Гивона. Р. Дирвен и М. Верспор, рассматривая когерентность как свойство текста, а не собственно лингвистическую категорию, выделяют два вида когерентности: референциальную и реляционную когерентность. Первая поддерживает отношения кореференции в тексте. Вторая же дополняет текст, если кто-то полностью его понял, причинно-следственными, контрастными и другими отношениями. В обоих случаях для того, чтобы существовала когерентность, должны существовать некоторые единицы, между которыми складываются те или иные отношения. Это означает, что когерентность приобретает в рамках названного подхода возможность формализации. Реляционная когерентность возникает между клаузами и, соответственно, клаузы

выступают единицами, необходимыми для возникновения когерентности. Таким образом, если исходной точкой становится клауза, когерентность возникает уже на уровне полипропозитивного предложения, что мы видим, например, и у Т. Гивона, который в одних и тех же терминах описывает полипропозитивное предложение [14] и текст [9]. Исследование Э. Келера уводит рассмотрение когерентности в плоскость прагматики. Это видно уже по тому, что виды когерентных отношений он выделяет на основании инференции, то есть того, что должен обнаружить в сопоставлении пропозиций адресат. Кроме того, обращает на себя внимание формализация отношений. Для исследователя важно не просто декларировать наличие того или иного вида отношений в примере, а доказать соответствие модели. Налицо индуктивный подход к проблеме когерентности.

П. Пагин рассматривает когерентность как шкалу связности [15, 16] (см. также подробный обзор в [17, с. 366–368] и [2]). В своем исследовании он сопоставил понятия свободного прагматического обогащения (так Ф. Реканати [18, 19] предложил называть невыраженные составляющие предложения, которые неявным образом обнаруживаются в предложении при условии некоего фактора, причем их выявление, в отличие, например, от разговорной имплицатуры, совершенно однозначно) и степени связности предложений (или пропозиций) в цепочке.

Описание когерентности в исследовании П. Пагина не основная задача, но, чтобы показать, что степень связности способна стать маркером наличия свободного прагматического дополнения, ему потребовалось создать шкалу когерентности. Таких степеней им было выделено 5. Степень 0 означает отсутствие когерентности, как в цепочке

(1) *Джон сломал ногу. Я люблю сливы.*

Степень 1 проявляется при связи объектов, а степень 2 при связи свойств.

(2) *Стол завален книгами. Кот лежит на диване.*

(3) *Мост Транебергсбрун имеет высоту 25.2 метра. Мост Вестербрун имеет высоту 26 метров.*

В случае (2) возникает значение, что оба факта относятся к одному и тому же месту (П. Пагин использует формулу *close to* – близко к). В (3) объединяющим фактором становится сообщение о высоте мостов Стокгольма.

Самые высокие показатели степени связности оказываются у пар, где сопоставляются пропозиции: степень 4 – слабая связь пропозиций, степень 5 – сильная связь пропозиций.

(4) *Джон задумал взглянуть в окно. Он взобрался на деревянную лестницу.*

(5) *Джон повернул влево. Он наткнулся на здание библиотеки.*

Пример (4) отражает возможное развитие событий: чтобы заглянуть в окно, можно, но не обязательно пользоваться лестницей. Пример (5) представляет последовательность уже как необходимость: если бы Джон не повернул направо, он не наткнулся бы на здание библиотеки.

Образуя цепочки, предложения формируют дополнительные значения, которые П. Пагин рассматривает как вид свободного прагматического обогащения. Прагматическая природа их очевидна, так как они не имеют, в отличие от семантических категорий, выражения. Однако нам кажется, что природа их возникновения отличается от природы свободных прагматических обогащений и ближе к природе имплицатур. Ф. Реканати выделяет в вопросе *Ты завтракал?* прагматическое дополнение *сегодня*. Очевидно, что оно возникает из незакрытой сирконстантной валентности глагола и не связано с контекстом. Обнаруженные П. Пагином компоненты значения, напротив, обязательно возникают при наличии контекстов. Далее мы представим свое видение этой проблемы и предложим близкое, но несколько иное решение.

Итак, мы обнаружили несколько подходов к понятию когерентности. При внимательном рассмотрении заметно, что между ними нет противоречий. Различия касаются фокусировки взгляда исследователя: поставить в центр психолингвистический аспект и отдать связность на откуп когезии или, напротив, сосредоточиться на языковых выражениях, а то, что никакой когерентности не было бы без человеческого сознания, просто иметь в виду.

2. Компоненты значения предложения

Предположим, что когерентность может быть выявлена на паре предложений. Поскольку это категория семантическая, необходимо выявить те компоненты значения предложений, входящих в пару, которые могут обеспечить когерентность.

Сопоставим два примера. В косых скобках дадим обозначение каждого предложения.

(6) /a/ Иван пошел в магазин. /b/ Иван купил молоко и хлеб.

(7) /a/ Иван пошел в магазин. /с/ Иван набрал целую корзину грибов.

Очевидно, что цепочка в (6) воспринимается как когерентная, а цепочка в (7) как некогерентная. Вопрос заключается в том, почему это так. Поскольку когерентность возникает исключительно в цепочке предложений, следует начать со значений каждого из входящих в нее предложений.

Значение предложения – сложная система. Чтобы дать анализ значениям предложений, выделим в них некоторые компоненты, следуя в большей степени системе, предложенной Ф. Реканати [18].

1. Буквальное значение (literal meaning), LM. Значение, вычленяемое из предложения без учета всех контекстов.

2. Пресуппозиция (presupposition), PSP. Компонент значения, лежащий в основе буквального значения, без которого то не могло бы быть истинным. Пресуппозиция не уничтожается при переводе утверждения в отрицание.

3. Прагматическое следствие (pragmatic entailment), ENT. Компонент значения, стандартно связанный с выраженным типом буквального значения. В отличие от пресуппозиции, прагматическое следствие чувствительно к смене утверждения на отрицание.

4. Обобщенная разговорная импликатура (generalized conversational implicature), GCI. Эти импликатуры появляются, когда «употребление в высказывании определенных слов обычно (при отсутствии специальных указаний на обратное) порождает такую-то и такую-то импликатуру или класс импликатур» [20, с. 234]. С. Левинсон подчеркивает, что они возникают вне определенных контекстов, не привязаны к определенным сценариям [21, с. 126] и порождены нашей интуицией, позволяющей давать стандартную или приоритетную интерпретацию [22, с. 11]. Поскольку этот тип импликатуры хорошо описывается нарушением принципа количества в постулатах Грайса, Л. Хорн предложил говорить о скалярной импликатуре [23, 24], которая базируется на использовании информационно слабого компонента, приводящего к тому, что значение представляет собой шкалу между тем, что автор должен сказать, и тем, что он способен сказать, исходя из известного ему. Например, предложение *Он взял со стола несколько яблок* имплицитно означает, что он взял несколько, но не все яблоки.

5. Частная разговорная импликатура (particularized conversational implicature), PCI. Компонент значения (дополнительная пропозиция), возникающий из актуального контекста и невозможный в отсутствие контекста. Например, предложение *Он взял со стола несколько яблок* как ответ на вопрос *Поел ли он?* будет имплицитно означать «он поел».

6. Свободное прагматическое обогащение (free pragmatic enrichment), FPE. Возникающий на базе буквального значения дополнительный семантический компонент, часто на месте незаполненной актантажной или сирконстантной валентности глагола. Например, вопрос *Ты зав-*

тракал? означает при отсутствии дополнительных маркеров «завтракал ли ты сегодня».

7. Прагматическое наполнение (saturation), SAT. Компонент значения, необходимый для контекстно-зависимых слов (таких, как местоимения) и представляющий собой отнесение их к референту.

Мы полагаем, что для обсуждения вопроса о формализации когерентности есть смысл, кроме указанных, назвать еще две составляющих, близких к прагматическому следствию, но не тождественных ему.

8. Телеологическое следствие, TEL. Будем так называть составляющую, которая следует из буквального значения предложения и называется предполагаемой, но невыраженной целью.

9. Невыраженная причина, CAUS. Так назовем следующую из буквального значения невыраженную составляющую, выражающую предполагаемую причину.

Наконец, предложение может содержать некие другие нечетко классифицируемые компоненты смысла, которые мы в общем виде назовем вопросами и обозначим буквой Q.

Прежде чем приступить к анализу примеров, сделаем еще два замечания. Во-первых, совершенно не обязательно, чтобы в предложении обнаружились все компоненты. Обязательным является лишь буквальное значение. Так, предложение *Дважды два – четыре* может быть понято буквально и не содержать иных компонентов. Во-вторых, все компоненты, кроме разговорной импликатуры, так или иначе связаны с буквальным значением. Разговорная импликатура, напротив, допускает даже отсутствие связи с буквальным значением. Зачем же мы ввели ее? Нам кажется (и мы это покажем на примерах), что разговорная импликатура в ряде случаев может быть предсказана, предложение может содержать ожидаемые контексты, то есть самостоятельно вызывать ассоциации с некоторым виртуальным контекстом, в котором она могла бы выступить.

Вернемся к примерам и распишем структуру значения предложения /a/.

LMa: «Известный человек по имени Иван пошел в магазин». Как видим, буквальное значение в данном случае представить достаточно просто, так как предложение не содержит каких-либо образных выражений, фразеологизмов, перифраз и т.д., которые требовали бы особых пояснений.

PSPa: Кроме тривиальной пресуппозиции существования Ивана здесь выделяется еще одна: «Иван ранее был в некоем ограниченном (скорее, замкнутом) пространстве». Это значение мотивировано глаголом. Другими словами,

глагол так формирует пространство, что в значении предложения оказывается более одной ситуации. Н.Б. Лебедева показала своими работами, что глагол не только ситуативен, но и полиситуативен в своем значении [25]. Это значит, что в значение глагола входит возможность сообщить информацию сразу о нескольких ситуациях. Так, глагол *заехать (за кем-либо)* формирует две ситуации: 'ехать' (основная пропозиция) и 'забрать кого-либо, чтобы далее ехать вместе' [25, с. 54]. Точно то же мы видим и на примере глагола *пойти*, за счет чего формируется особая пресуппозиция.

ЕНТa: 'Иван не находится в том пространстве, откуда он пошел'.

ФРЕa: 'Иван **недавно** пошел в магазин'. Семантический компонент 'недавно' возникает, поскольку такое предложение возможно, пока субъект не вернулся, а так как это не долго длящееся событие, наиболее удачным претендентом на замещение сирконстантной валентности оказывается это наречие.

ГС1a: В предложении нет слов, четко выражающих количественные отношения, однако вполне допустимо выстроить шкалу 'пошел, но не поехал'. Глагол *поехать* более строго описывает ситуацию, чем *пойти* (если он поехал, это обязывает его воспользоваться транспортным средством; если он пошел, это не исключает использования транспортного средства), поэтому мы полагаем, что такая шкала имеет место.

РС1a1: 'Ивана нет дома'. Сообщение о цели движения часто является средством передачи информации об отсутствии кого-либо в исходном месте, поэтому потенциально такое предложение может выражать данную импликацию. Точно так же (с учетом прагматического обогащения) допустимо обнаружить импликацию РС1a2: 'Иван скоро вернется'.

ТЕ1a: 'Иван имел цель купить что-либо в магазине'.

Qa: Предложение не дает информации об исходной точке, откуда Иван пошел в магазин (Qa1), и о том, в какой магазин пошел Иван (Qa2).

Проделаем теперь ту же процедуру с предложением /b/, позволив себе сократить, где возможно, объяснение наших действий.

LMb: 'Известный человек по имени Иван купил молоко и хлеб'.

PSPb: 'Иван ранее не имел молока и хлеба'.

ЕНТb: 'Иван закончил формальные процедуры, связанные с покупками', то есть он уже не выбирает продукты, не общается с продавцом или кассиром.

ФРЕb: 'Иван купил молоко и хлеб **в продуктовом магазине**'. Важно учитывать самые тривиальные решения о невыраженных составля-

ющих. Безусловно, они не единственные, но очень важно их не пропустить.

ГС1b: С. Левинсон, развивая теорию скалярных импликаций Л. Хорна, сформулировал принцип, согласно которому нетипичную информацию следует обозначать маркированными средствами, контрастирующими с теми, которыми обозначают типичную ситуацию (см.: [22, с. 136–137]). Следуя этой максиме, мы должны сказать, что в предложении имплицировано, что Иван совершил покупки либо в обычном магазине (например, в том, где он делает это всегда), либо в магазине, не требующем специальных описаний. Видим, что данное замечание коррелирует со сказанным о прагматическом обогащении. Тривиальность ситуации состоит и в том, что Иван купил, а не украл названные продукты. Также мы можем указать, что 'Иван купил, как минимум, молоко и хлеб' и 'Иван купил именно молоко и хлеб'. Различие между этими показателями значения минимальное, но его достаточно, чтобы формировать на нем импликацию. Так, если Иван купил еще и банку пива, но об этом не сказано, предложение не исключает этого события. Не обо всем, что происходит, говорится.

РС1b: Импликация возникнет, если Иван купил не все или не те продукты, которые должен был. Например, друзья послали его за молоком, хлебом и пивом, а он купил только молоко и хлеб. В таком случае предложение выразит смысл 'Иван не купил пиво'. Этот вывод ничуть не противоречит более раннему допущению о возможности покупки Иваном банки пива.

CAUSb: 'Иван не имел молока и хлеба и единственным вариантом получить их была покупка в магазине'.

Итак, мы показали, насколько сложно устроено значение предложения, хотя более глубокий анализ дал бы судить о еще большей его сложности. Часто исследователи когерентности утверждают, что единицей когерентности является пропозиция. Мы же, по проведению этого несложного и, возможно, не совсем точного анализа, зададим вопрос: какие именно пропозиции выбирать для анализа когерентности? Пропозиции не существуют в пустом пространстве, они не могут быть невыраженными, не привязанными к предложению. Поэтому мы полагаем, что поиск когерентности между предложениями гораздо продуктивнее, чем поиск когерентности между пропозициями.

3. Построение модели когерентности

Следующий шаг: построение модели когерентности, исходя из выделенных компонентов значения предложений.

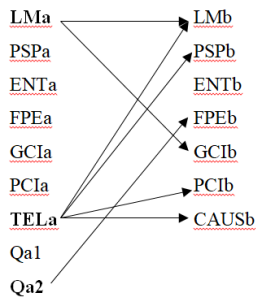

Рис. 1. Когерентные связи предложений /a/ и /b/

Поскольку мы интуитивно решили, что предложения /a/ и /b/ когерентны, ставится вопрос о доказательстве их когерентности. Наиболее очевидное решение – это установление соответствий пропозиций и других компонентов значения между одним и другим предложениями. Когерентные отношения можно представить в виде двудольного ориентированного графа, где вершинами являются компоненты значения, а ребрами – элементы семантической связи между компонентами значения разных предложений. Очевидно, что связность такого графа тем выше, чем больше ребер существует. Из рис. 1 отчетливо видно, что предложения могут быть признаны когерентными. Основные связи между ними возникают из буквального значения (основной пропозиции) и (еще больше) из телеологического следствия – имплицированной цели действия. Выходит, что структура значения предложения, которую мы выделили в изолированных предложениях, становится неоднородной в условиях цепочки предложений. Тогда можно предположить, что когерентность требует наличия некоторой согласованности между пропозициями, входящими в систему значений предложений. Возникает вопрос, почему возникают эти связи, на каких основаниях.

Мы полагаем, что наиболее продуктивным оказывается ситуационный подход, декларированный в свое время Л. Мурзиным и А. Штерн [26], которые высказали идею, что в основе когерентности лежит ситуационность. Ситуация в ситуационной семантике определяется как система отношений между объектами в определенное время, в определенном локусе и в установленной модальности. Вслед за Дж. Барвайсом, Дж. Перри [27] и К. Девлином [28] мы предлагаем такую формулу ситуации:

$$S = \langle\langle R; O; t; l; M \rangle\rangle,$$

где S – это ситуация, R – система отношений, O – система объектов (под объектами могут пониматься любые материальные сущности, t – временной промежуток, l – локация, M – установленная модальность.

Данная формула позволяет совершать следующую операцию: если мы изменяем систему

объектов, время и место ситуации, то возможно включение более частной ситуации в более общую и, наоборот, дробление более общей ситуации на частные. Можно это выразить в формуле

$$\text{SubS} \subseteq S,$$

где SubS – это более частная субситуация.

Предположим, что цепочка /a – b/ представляет одну ситуацию S (это возможно, исходя из сформулированного положения). Тогда в S можно выделить составляющие ее субситуации.

Построим систему субситуаций ситуации S .

$\text{SubS}_1 = \langle\langle R_1; O_1 \text{ (Иван + другие объекты); } l_1 \text{ (пространство до ухода в магазин); } t_1 \text{ (до ухода в магазин); } M=1 \rangle\rangle$.

$\text{SubS}_2 = \langle\langle R_2; O_2 \text{ (Иван + другие объекты улицы); } l_2 \text{ (улица); } t_2 \text{ (время между уходом в магазин и приходом в магазин); } M=1 \rangle\rangle$.

$\text{SubS}_3 = \langle\langle R_3; O_3 \text{ (Иван + покупатели, персонал, продукты); } l_3 \text{ (магазин); } t_3 \text{ (время совершения покупок); } M=1 \rangle\rangle$.

$\text{SubS}_4 = \langle\langle R_4; O_4 \text{ (Иван + другие объекты); } l_4 \text{ (магазин, улица, другие локации); } t_4 \text{ (время после совершения покупок); } M=1 \rangle\rangle$.

Очевидно, что субситуации прежде всего различаются локацией и временем, а также возможными отношениями между объектами. Объединяет все субситуации фигура Ивана и цель – покупки в магазине молока и хлеба. Различной оказывается степень известности о ситуации. Наименьшим количеством информации обладает SubS_2 : мы не знаем, далеко ли магазин, долго ли Иван шел к нему, что он видел по дороге, хотя все это оказывается совершенно необходимым для связи SubS_1 и SubS_3 . Ситуация 2 – это своеобразный мост между ситуациями 1 и 3, без которого переход от 1 к 3 будет невозможен. И об этой ситуации сказано крайне мало, она должна полностью, при необходимости, додумываться адресатом сообщения. Оказывается, что на ее месте обнаруживается некоторая семантическая лакуна, заполняемая особым образом: ее природа не семантическая, так как у нее нет никакого средства выражения, а, скорее, когнитивная, так как она представляет собой разрыв в знании в рамках одной ситуации, когда между выделяемыми семантически или прагматически ситуациями возникает ситуация, базирующаяся исключительно на знании, – она должна быть, она тот самый мост, о котором мы сказали. Можно сделать такое предположение: чтобы две субситуации объединились в большую, должна существовать семантическая лакуна, заполнение которой позволяет данным субситуациям объединиться: $\text{SubS}_1 \cup \text{SubS}_2 = S$, iff $\exists \text{SubS}_n = \otimes: \text{SubS}_1 \cup \text{SubS}_n \cup \text{SubS}_2 = S$, где \otimes – семантическая лакуна. Это легко объяснить чисто теоретически: языковое выражение ситуа-

ции или ее отдельной части дискретно, в то время как человек имеет представления о реальности как о континууме. Дискретность же должна подразумевать, что отдельные фрагменты потому и отдельны, что между ними изъят какой-то компонент, обеспечивающий континуальность. Но поскольку любая субситуация дробится на меньшие, достичь континуальности в языковом представлении реальности невозможно. Тогда будет верно, что между любыми субситуациями существует семантическая лакуна: $\text{SubS}_1, \text{SubS}_2 \leftrightarrow \text{SubS}_1 \otimes \text{SubS}_2$.

Из сказанного следует, что проведенные нами стрелки на рисунке 1 возможны при условии, что между предложениями /a/ и /b/ существует семантическая лакуна, заполнение которой необходимо для установления связи между ними. И мы предположим, что когерентность между предложениями возникает тогда и только тогда, когда между ними имеется семантическая лакуна. Сама семантическая лакуна не создает когерентности, так как она не имеет значения. Она представляет собой разрыв в континуальности значения текста или дискурса. И этот разрыв становится первым шагом и необходимым условием формирования когерентных отношений между предложениями. Следующим шагом становится когерентный вопрос, требующий установить, на каком основании могут быть когерентны предложения. На следующем шаге формируется то, что мы предлагаем назвать релевантным ответом – прагматическое дополнение, удовлетворяющее требованию консистентности ситуации. Если такой релевантный ответ находится, предложения признаются когерентными. Таким образом, представленная модель «семантическая лакуна – когерентный вопрос – релевантный ответ» отвечает семантико-прагматическому подходу к когерентности и отражает не когнитивные процессы, а принципы логического подтверждения когерентности в цепочке предложений, а поэтому не может рассматриваться как психолингвистическая система, приводящая к когерентности. По этой причине она не может быть проверена посредством опроса информанта об интуитивном представлении о смысловой связности/несвязности предложений в цепочке, поскольку представленная модель не содержится непосредственно в сознании субъекта. Обратим внимание, что мы не включили в модель процедуру вычленения пропозиций из предложения, поскольку эта процедура не относится непосредственно к определению когерентности предложений в цепочке, а предваряет ее, создает достаточное основание для процесса определения когерентности.

Семантическая лакуна может ощущаться сильнее или слабее. Рассмотрим пару /a/ – /c/. Для этого распишем систему значения предложения /c/.

LMc: ‘Известный человек по имени Иван самостоятельно собрал грибы в количестве одной корзины’.

PSPc: ‘Ранее Иван не имел этих грибов в корзине’.

ENTc: 1) ‘Иван завершил сбор грибов’; 2) ‘Грибы нужно будет обработать’; 3) ‘Грибов достаточно, чтобы набрать целую корзину’.

FPEc: ‘Иван собирал грибы в лесу’. Естественно, Иван мог набрать грибы и в городском парке, где растут шампиньоны. Однако прежде всего мы выделяем наиболее тривиальное значение, руководствуясь максимой Левинсона, согласно которой простая ситуация имеет простое выражение. В противном случае мы ожидали бы предложение *Иван в парке набрал целую корзину грибов*.

GCic: Шкала будет иметь вид: ‘Иван набрал как минимум целую корзину грибов (мог набрать еще что-то)’ и ‘Иван точно набрал целую корзину грибов’.

PCic: Помня, что этот вид импликатур является максимально зависимым от контекста, мы можем лишь предположить некоторые варианты, например, ‘Иван не бездельничал’, ‘Кто-то должен перебрать и приготовить грибы’ и т. д.

CAUSc: ‘Иван не имел грибов, поэтому пошел собирать грибы в лес, так как это самый тривиальный способ иметь грибы’.

Сравним системы значений предложений в цепочке /a/ – /c/ и обнаружим гораздо меньшее количество ребер, соединяющих компоненты графа.

Семантическая связанность оказывается лишь по двум параметрам – основному персонажу (Иван существует) и месту (Иван не находится в том пространстве, где находился раньше). Однако не связываются буквальное значения предложений и возможные импликатуры, а поэтому когерентность предложений оказывается под вопросом. Ситуационная модель позволяет создать такое прагматическое дополнение, которое установит мост над семантической лакуной.

Чтобы предложения /a/ и /c/ были когерентны, необходимо найти такую ситуацию S, которая включит в себя все выраженные и невыраженные субситуации, порождаемые данными предложениями. Покажем, что в паре несколько изменились субситуации 2 и 3.

$\text{SubS}_1 = \langle\langle R_1; O_1 \text{ (Иван + другие объекты); } l_1 \text{ (пространство до ухода в магазин } \approx \text{ дом); } t_1 \text{ (до ухода в магазин); } M=1 \rangle\rangle$.

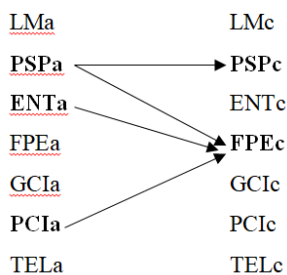

Рис. 2. Когерентные связи предложений /a/ и /c/

$SubS_{2\#} = \langle\langle R_2; O_2 \text{ (Иван + другие объекты улицы); } I_2 \text{ (улица); } t_2 \text{ (время между уходом в магазин и приходом в магазин); } M=0 \rangle\rangle$.

$SubS_{3\#} = \langle\langle R_3; O_3 \text{ (Иван + покупатели, персонал, продукты); } I_3 \text{ (магазин); } t_3 \text{ (время совершения покупок); } M=0 \rangle\rangle$.

Иван пошел в магазин, а значит, должны существовать ситуации его дороги в магазин и пребывания в магазине, однако предложение /c/ опровергает наличие этих ситуаций. Мы добавляем к индексу значок # и меняем показатель модальности: 0 означает, что выражающие данную ситуацию пропозиции ложны. Обратим внимание, что ситуации рассматриваются как семантические, а не онтологические категории, поэтому идущий по улице Иван будет представлять две разные ситуации, если он идет в магазин или не в магазин, хотя «физически» все может выглядеть совершенно одинаково.

Выделим ситуацию $SubS_5$, которая противоречит $SubS_{2\#}$.

$SubS_5 = \langle\langle R_5; O_5 \text{ (Иван + другие объекты); } I_5 \text{ (улица, открытое пространство); } t_2 \text{ (время между уходом «в магазин» и приходом в лес); } M=1 \rangle\rangle$.

В этой формуле мы использовали показатель времени t_2 , имея в виду, что это тот же временной промежуток, в который Иван мог идти в магазин. Темпоральный показатель t – это не физическое время и не грамматическое время. Это особый ситуационный показатель, задающий условное время ситуации как семантической категории. В нашем случае t_2 объединяет две ситуации с разной модальностью. Аналогично поступим с ситуациями $SubS_6$ и $SubS_{3\#}$.

$SubS_6 = \langle\langle R_6; O_6 \text{ (Иван + другие объекты в лесу); } I_6 \text{ (лес); } t_3 \text{ (время отсутствия Ивана); } M=1 \rangle\rangle$.

Совершенно неважно, что Иван мог бы потратить разное время на покупку молока и хлеба в магазине и на сбор грибов в лесу. Например, ждущая Ивана из магазина жена могла бы сказать: «Что-то Иван долго из магазина не идет». Для нее t_3 – время отсутствия Ивана.

$SubS_7 = \langle\langle R_7; O_7 \text{ (Иван + другие объекты); } I_5; t_7 \text{ (время пути из леса домой); } M=1 \rangle\rangle$.

Место мы обозначили I_5 , имея в виду, что Иван идет из леса той же дорогой, что и в лес.

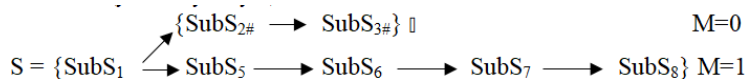

Рис. 3. Схема ситуации S

$SubS_8 = \langle\langle R_8; O_8 \text{ (Иван + другие объекты); } I_1; t_8; M=1 \rangle\rangle$.

Составим общую схему ситуации S (рис. 3).

Мы создали одну из возможных моделей когерентности между предложениями /a/ и /c/. Согласно этой модели предложения когерентны при условии, что Иван сообщил неверные сведения о своих намерениях либо некто (нарратор) имеет неверные сведения о намерениях Ивана. Совершенно очевидно, что это одно из предположений. Термин «предположение» (assumption) активно используется в теории релевантности: адресат, получая сообщение, делает предположение относительно содержания высказывания, если предположение его устраивает, он останавливает процесс предположений, если нет, он выдвигает новое, пока не обнаружит удовлетворяющий его смысл (см.: [29, с. 260; 30, с. 104]). В нашем случае предположение касается прагматического дополнения между предложениями. Проблема возникла в том, что Иван пошел в магазин, а вернулся с корзиной грибов – в магазин с корзиной не ходят. Но если Иван ходит в магазин с корзиной, а рядом с магазином грибной лес, тогда система ситуаций окажется совершенно иной. Мы предположили, что в /a/ и /c/ говорится об одном и том же Иване, то есть между ними имеются отношения кореферентности, но если мы решим, что это два разных человека по имени Иван, то система когерентности разрушится, мы должны будем признать, что /a/ и /c/ некогерентны. Но что значит некогерентны? Это значит, что мы не нашли такой ситуации S, в которую обнаруженные в предложениях субситуации могут войти. Если мы найдем такую ситуацию, то мы создадим прагматическое дополнение, достаточное для когерентности /a/ и /c/.

Заключение

В небольшом заключении мы готовы дать определение когерентной паре предложений. Скажем, что пара предложений когерентна, если между предложениями существует се-

мантическая лакуна, способная быть заполненной прагматическим дополнением на основании возникших семантических отношений между компонентами значений разных предложений пары. Сама по себе семантическая лакуна не существует и обнаруживается только в паре предложений. Она не имеет никакого ни выражения, ни содержания, поэтому не может быть сопоставлена с любым лингвистическим нулем – имеющим содержание. Однако она существует как разрыв, требующий, во-первых, когерентного вопроса (в противном случае такой вопрос был бы излишним) и, во-вторых, прагматического дополнения – такого смыслового компонента, который сблизит между собой значения предложений до состояния когерентности. Может возникнуть проблема: если мы сказали, что отсутствие дискретности в представлении ситуации невозможно, способно ли прагматическое дополнение так заполнить семантическую лакуну, чтобы между ним и соответствующими предложениями не возникло новых лакун. Естественно, ответ будет отрицательным: прагматическое дополнение способно сблизить предложения, но неспособно создать континуум, характерный для реальности. Данный тезис мы выскажем, но подчеркнем, что его доказательство требует отдельной статьи, точно так же, как и доказательство тезиса, что семантические лакуны существуют между любыми двумя предложениями текста и являются необходимым, но не достаточным условием его когерентности. В настоящей статье мы решили задачу когерентности только для пары предложений.

Список литературы

1. Глазков А.В. К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста // *Граница. Сборник научных трудов проекта NOT ONLY: Теория и практика гуманитарных исследований / Под ред. А.В. Глазкова, Е.А. Глазковой.* М.: ООО «Информационно-издательский дом «Филинь», 2020. С. 17–30.
2. Глазков А.В. Ситуационность как основа когерентности текста // *Вестник МГОУ. Серия: Филология.* 2022. № 1. С. 13–24.
3. Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English.* Longman, 1976. 375 pp.
4. Лещенко А.В. Текстовые категории цельности и связности: интегративная модель // *Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов.* Випуск 74. Харків, 2013. С. 155–162.
5. Степанова М.И. Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса // *Вестник СамГУ.* 2009. № 73. С. 230–234.
6. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // *Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение.* Майкоп, 2016. С. 39–43.
7. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты). Автореф. дис. ... д.ф.н. Ростов-на-Дону, 2003. 43 с.
8. Макаров М.Л. *Основы теории дискурса.* М.: Гнозис, 2003. 280 с.
9. Givón T. *Coherence in text vs. coherence in mind // Coherence in Spontaneous Text.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 1995. P. 59–115.
10. Новиков А.И. *Текст и его смысловые доминанты.* М.: ИЯ РАН, 2007. 224 с.
11. Сорокин Ю.А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методов (ретроспективный обзор) // *Вопросы психолингвистики.* 2008. № 8. С. 24–40.
12. Dirven R., Verspoor M. *Cognitive exploration of language and linguistics.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2004. 277 p.
13. Kehler A. *Coherence, reference, and the theory of grammar.* Stanford University: CSLI Publications, 2002. 226 p.
14. Givón T. *Syntax. An introduction. Volume II.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2001. 406 p.
15. Pagin P. Radical interpretation and pragmatic enrichment // *Argumenta.* 2017. № 3 (1). P. 87–107.
16. Pagin P. Enrichment, coherence, and quantifier properties // *Journal of Pragmatics.* 2019. 154. P. 92–102.
17. Глазков А.В. *Семантика: от слова к тексту.* М.: Издательство «Юрайт», 2022. 492 с.
18. Recanati F. *Literal meaning.* N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 179 p.
19. Recanati F. *Truth-conditional pragmatics.* Oxford: OUP, 2010. 324 pp.
20. Грайс Г.П. *Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика.* М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
21. Levinson S. *Pragmatics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 420 p.
22. Levinson S. *Presumptive meanings: the theory of generalized conversational implicature.* Cambridge, MA: MIT Press, 2000. xxiii+480 p.
23. Horn L.R. *Toward a new taxonomy for pragmatic inference: Q-based and R-based Implicature // In: Shiffrin D. (ed.) Meaning, Force, and Use in Context: Linguistic Application.* Washington, DC: Georgetown University Press, 1984. P. 11–42.
24. Horn L. R. *Implicature // Handbook of Pragmatics / Horn L.R. & Ward G. (Ed.)* Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 3–28.
25. Лебедева Н.Б. *Полиситуативный анализ глагольной семантики.* М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 192 с.
26. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. *Текст и его восприятие.* Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. 172 с.
27. Barwise J., Perry J. *Situations and attitudes.* Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 p.
28. Devlin K. *Situation theory and situation semantics // Handbook of the History of Logic. Volume 7.* Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 601–664.
29. Wilson D., Sperber D. *Relevance theory // UCL Working Papers for Linguistics 14,* 2002. P. 249–290.
30. Глазков А.В. *Из реальности в текст и обратно: Очерк прагматики нарративного текста.* М.: Де'Либри, 2018. 436 с.

TO THE COHERENCE OF A SENTENCE PAIR

A.V. Glazkov

The goal is to develop a coherence model relevant for a pair of sentences. There are two different approaches to the problem of coherence: top-down approach proceeding from the presence of the coherence in the text, and bottom-up approach stating that the coherence between two sentences provides for a coherence of the whole text. In the article is implemented the latter approach. It is proposed to use the notions of semantic gap, pragmatic addition, and relevant answer. The notion of the semantic gap refers to the fact that there is no direct semantic relationship between sentences. Pragmatic addition is the sum of possible gap filling, the most relevant for this pair supplement is called the relevant answer. Formalizing coherence requires considering semantic and pragmatic components of the sentence meaning such as literal meaning, presupposition, pragmatic entailment, generalized and particularized conversational implicatures, free pragmatic enrichment, saturation, teleological entailment, and unexplained cause. The model of the formalization of coherent relationships is illustrated by the analysis of examples.

Keywords: text linguistics, textuality, pragmatics, semantics, coherence.

References

1. Glazkov A.V. On the question of the differentiation of the concepts of linearity, coherence and integrity of the text // *Border. Collection of scientific papers of the NOT ONLY project: Theory and practice of humanitarian research* / Ed. by A.V. Glazkov, E.A. Glazkova. M.: LLC Information and Publishing House «Filin», 2020. P. 17–30.
2. Glazkov A.V. Situationality as the basis of coherence of the text // *Bulletin of the Moscow State University. Series: Philology*. 2022. № 1. P. 13–24.
3. Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English*. Longman, 1976. 375 p.
4. Leshchenko A.V. Textual categories of integrity and connectivity: an integrative model // *Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University. Ser.: Romano-German philology. Methods of teaching foreign languages*. V. 74. Kharkiv, 2013. P. 155–162.
5. Stepanova M.I. Cohesion and coherence as fundamental characteristics of journalistic discourse // *Bulletin of the Samara State University*. 2009. № 73. P. 230–234.
6. Velichko M.A. Cohesion and coherence: peculiarities of differentiation and definition of concepts // *Bulletin of the Adygea State University. Ser. 2: Philology and Art Criticism*. Maykop, 2016. P. 39–43.
7. Milevskaya T.V. Connectivity as a category of discourse and text (cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects). Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology. Rostov-on-Don, 2003. 43 p.
8. Makarov M.L. *Fundamentals of the theory of discourse*. M.: Gnosis, 2003. 280 p.
9. Givón T. Coherence in text vs. coherence in mind // *Coherence in Spontaneous Text*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 1995. P. 59–115.
10. Novikov A.I. *Text and its semantic domains*. M.: IA RAS, 2007. 224 p.
11. Sorokin Yu.A. Text and its study with the help of linguistic and psycholinguistic techniques (retrospective review) // *Questions of psycho-linguistics*. 2008. № 8. P. 24–40.
12. Dirven R., Verspoor M. *Cognitive Exploration of Language and Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2004. 277 p.
13. Kehler A. *Coherence, Reference, and the Theory of Grammar*. Stanford University: CSLI Publications, 2002. 226 p.
14. Givón T. *Syntax. An Introduction*. Volume II. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2001. 406 p.
15. Pagin P. Radical Interpretation and Pragmatic Enrichment // *Argumenta*. 2017. № 3(1). P. 87–107.
16. Pagin P. Enrichment, coherence, and quantifier properties // *Journal of Pragmatics*. 2019. 154. P. 92–102.
17. Glazkov A.V. *Semantics: from word to text*. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 492 p.
18. Recanati F. *Literal Meaning*. N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 179 p.
19. Recanati F. *Truth-conditional pragmatics*. Oxford: OUP, 2010. 324 pp.
20. Grice G.P. Logic and speech communication // *New in foreign linguistics. Issue XVI. Linguistic Pragmatics*. M.: Progress, 1985. P. 217–237.
21. Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 420 p.
22. Levinson S. *Presumptive meanings: the theory of generalized conversational implicature*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. xxiii+480 p.
23. Horn L.R. *Toward a New Taxonomy for Pragmatic Inference: Q-based and R-based Implicature* // In: Shiffrin D. (ed.) *Meaning, Force, and Use in Context: Linguistic Application*. Washington, DC: Georgetown University Press, 1984. P. 11–42.
24. Horn L. R. *Implicature* // *Handbook of Pragmatics* / Horn L.R. & Ward G. (Ed.) Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 3–28.
25. Lebedeva N.B. *Polysituative analysis of global semantics*. M.: Book House «Librocom», 2010. 192 p.
26. Murzin L.N., Stern A.S. *Text and its perception*. Sverdlovsk: Ural University Press, 1991. 172 p.
27. Barwise J., Perry J. *Situations and Attitudes*. Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 p.
28. Devlin K. *Situation Theory and Situation Semantics* // *Handbook of the History of Logic*. Volume 7. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 601–664.
29. Wilson D., Sperber D. *Relevance Theory* // *UCL Working Papers for Linguistics* 14, 2002. P. 249–290.
30. Glazkov A.V. *From Reality to Text and about: An essay on the Pragmatics of narrative text*. M.: De'libri, 2018. 436 p.